

Рецензия на коллективную монографию:
 Развитие политико-экономической мысли в
 современной России / гл. ред. В.М. Юрьев, отв.
 ред. В.Г. Лоскутов. – Тамбов: Издательский дом ТГУ
 им. Г.Р. Державина, 2015. - 432 с. (Завершение;
 начало см. в № 6(36))

Водомеров Николай Кирилович

доктор экономических наук, профессор,
 ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»
 г. Курск, Российская Федерация.
 e-mail: vodomerovnik@gmail.com

Продолжение

Д.Б. Эпштейн изложил свою точку зрения на соотношение непосредственно общественного и товарного производства. По мнению автора, «продукт непосредственно общественного производства имеет существенные элементы товарности, а товар – важные элементы непосредственно-общественного продукта, т. е. это диалектически связанные понятия. Одно переходит в другое, поэтому товарность не противоречит антагонистически непосредственно общественному производству и наоборот» (с.148).

Свое видение основных различий, отражающих противоположность непосредственно общественного продукта и товара, Д.Б. Эпштейн выразил с помощью следующей таблицы (с.149):

Товарное производство при капитализме	Непосредственно общественное производство при социализме
Производитель руководствуется спросом	Производитель руководствуется непосредственно интересами общества
Товар – это продукт, изготовленный для эквивалентного обмена по стоимости	Продукт изготавливается для реализации потребностей общества
Товар – это продукт, изготовленный с целью извлечения максимальной прибыли	Продукт изготавливается с целью максимизации удовлетворения общественных потребностей
Решающую роль в определении плана производства играют обособленные экономические интересы собственника производства	Важную роль в определении плана производства играют интересы общества
Производством управляет стихия	Производством планомерно управляет общество

Автор привел доводы, которые, по его мнению, доказывают, что перечисленные в таблице черты непосредственно общественного производства присущи товарному производству, а черты товарного – непосредственно общественному.

В частности, черты товарного производства в непосредственно общественном производстве при социализме Д.Б. Эпштейн усматривает в использовании денежной формы для распределения по труду, для учета затрат труда и контроля за мерой труда и мерой потребления (с.150-157). Также они, на его взгляд, в том, что сами планы «учитывают ... частные (личные и производственные) интересы в увеличении прибыли и заработной платы, а не только общественные интересы, и эти частные интересы в результате влияют на решение органов, осуществляющих планирование ... и сам орган, осуществляющий планирование, может находиться под воздействием частных интересов или отраслевого лоббизма, ... сами планы ... могут плохо отражать реальные потребности экономики и приводить к затяжным кризисам...» (с.156). Автор пишет: «... в то время, как производитель товара, руководствуясь своими частными интересами, вынужден действовать в соответствии с общественными интересами, опосредованными общественным спросом, производитель непосредственно-общественного продукта, вынуждаемый действовать в интересах общества, опосредованных их выражением в плановом задании, действует в своих частных интересах» (с.157-158).

Д.Б. Эпштейн связывает необходимость сохранения товарного производства и с тем, что, по его мнению, управлять экономикой как «единой фабрикой» невозможно из-за отсутствия «в масштабах страны столь же достоверной, столь же легко обозреваемой и столь же быстро перерабатываемой информации, как и в масштабах фабрики, о всех элементах и действующих лицах экономики» (с.158-159). Как считает автор, «... народным хозяйством нельзя эффективно управлять, как единой фабрикой, пока сохраняется обособленность индивидуальных материальных интересов или, как говорили политэкономы в советский период, пока «труд на благо общества не стал первой жизненной потребностью трудящихся»... А это означает, что товарность является неотъемлемой чертой экономики, в том числе и социалистической» (с.159-160). «Разница между фабрикой и экономикой страны, – пишет автор, – выражается в том, что руководство фабрики детально видит, планирует и контролирует горизонтальные связи внутри фабрики, оно лишь в малой степени нуждается в незапланированном сверху горизонтальном взаимодействии подразделений фабрики, а руководство страны лишь в очень крупных чертах видит горизонтальное взаимодействие регионов, отраслей, предприятий, работников, и оно поэтому принципиально нуждается в незапланированном сверху горизонтальном взаимодействии всех звеньев общественного производства» (с.159).

Кроме того, по мнению Д.Б. Эпштейна, «непосредственно-общественное производство, планируя сверху вниз деятельность всех звеньев экономики, резко сужает горизонтальные связи, ограничивая сферу горизонтального взаимодействия сведением его к выполнению заданий центра, то сужаются и интересы, и возможности разработки, поиска и внедрения инноваций. Не случайно именно недостаточная динамика научно-технического прогресса, а поэтому и недостаточно быстрый рост эффективности и качества продукции в сравнении с развитыми капиталистическими странами были характерны для многих отраслей СССР, начиная с середины шестидесятых годов» (с.160).

Автор заключает: «Товарность не противоречит антагонистически непосредственно-общественному производству, и наоборот, непосредственно-общественное производство не отменяет товарности. ...Если товарно-денежные отношения неразвиты, неверно ориентируют предприятия и работников, они систематически будут принимать решения, идущие вразрез с общественной оптимальностью» (с.160).

На наш взгляд, несмотря на логичность аргументации автора, в ней есть и слабые места. Прежде всего это касается понимания различий товарного и непосредственно общественного производства. В приведенной Д.Б. Эпштейном таблице не указаны, – а затем и не рассмотрены, – наиболее важные, сущностные различия между этими типами производства.

Товарное и непосредственно общественное производства – это два кардинально различных вида отношений присвоения. Первое основано на частной собственности на средства производства,

второе – на общественной. Товарное производство предполагает переход благ в потребление посредством обмена товаров, – т.е. отношения между частными собственниками продуктов труда. Социалистическое же непосредственно общественное производство – переход их посредством распределения продуктов, принадлежащих обществу, между членами общества – по труду и из общественных фондов потребления. Указанные различия сущности двух видов присвоения делают их несовместимыми, исключаящими друг друга. Их одновременное сосуществование возможно лишь в виде двух разных укладов многоукладной экономики, взаимодействующих друг с другом, но не как соединенных в единый уклад.

При этом в отношениях непосредственно общественного производства можно обнаружить «элементы» сходства с отношениями товарного производства, о которых К. Маркс писал как о «родимых пятнах» буржуазного общества, но это не дает оснований для их характеристики как отношений товарного производства. К таким «элементам» относится и принцип эквивалентности в распределении по труду, и использовании денег в качестве средства распределения по труду, учета затрат и результатов производства, контроля за мерой труда и мерой потребления, на которые указывает Д.Б. Эпштейн. К ним можно отнести и моменты подчинения планирования и производства частным, групповым интересам, не совпадающим с общественными, на которые также ссылается автор. Все эти «элементы» и моменты можно назвать «товарностью» в отношениях непосредственно общественного производства, но не «товарным производством» или «отношениями товарного производства».

Непосредственно общественный характер производства реализуется через систему отношений централизованного планового управления. Эта система не сводится к прямым заданиям предприятиям, спускаемым «сверху», или «из центра», как, по-видимому, полагает Д.Б. Эпштейн. Социалистическое планирование, как известно, строится на принципе демократического централизма, который реализуется посредством участия трудящихся на всех уровнях управления – от рабочего места до Госплана – в согласовании совместных действий в производстве и реализации продукции. В самых общих чертах его практическая организация состояла в следующем. Вначале, исходя из общественных интересов, определялись основные цели развития на плановый период («контрольные цифры»). Затем они доводились до министерств и ведомств, которые конкретизировали их и доводили до предприятий. Коллективы предприятий, в свою очередь, составляли «встречные планы» с учетом государственных стандартов, норм и нормативов использования ресурсов, направленные на наиболее полное использование производственных возможностей, формировали свои потребности в ресурсах. Затем предложения по плановым показателям шли «снизу вверх», подвергаясь согласованию на каждом уровне планирования. После окончательного согласования они принимали форму закона и «спускались» на уровень министерств и ведомств, а затем – предприятий. Причем планировалось как производство продукции, так и поставки материально-технических ресурсов, показатели технического развития предприятий и их финансовой деятельности. «Наверху» устанавливались лишь агрегированные показатели плана (укрупненная номенклатура), которые затем детализировались министерствами и ведомствами. Окончательно же они конкретизировались (ассортимент, объемы, сроки) в договорах поставки продукции, которые заключались самими предприятиями. Представление о социалистическом планировании как о планировании «сверху» всей деятельности предприятий «вплоть до последнего гвоздя» не имеет ничего общего ни с теорией, ни с практикой планирования.

Разумеется, из-за различий в экономических интересах и действия непредвиденных факторов планирование не было идеальным выражением общественных интересов. Но ведь и на капиталистической фабрике, – которой по мысли Д.Б. Эпштейна, можно управлять на основе прямых заданий, – в планировании производства не может не отражаться противоречие интересов труда и капитала, – в том числе – интересов наемных менеджеров и специалистов, с одной стороны, и

интересов собственника, с другой. Объем информации о рынке, которой располагает отдельный капиталист и его команда, несоизмеримо меньше, чем объем информации об экономике, которой располагает система плановых и руководящих органов общества. Поэтому риск принятия ошибочных решений при планировании у частного товаропроизводителя, действующего на свой страх и риск, намного выше, чем у трудящихся, объединенных общей собственностью на средства производства, общими интересами и организованных для согласования совместных действий.

Кроме того, социалистическое планирование предполагает контроль за выполнением плана, создание плановых резервов на случай нарушений плана, корректировку плановых заданий в процессе их выполнения ввиду изменившихся обстоятельств. Все это способствует значительному сокращению непредвиденных потерь. Вероятность же принятия ошибочного решения отдельным товаропроизводителем намного выше и зачастую приводит к его банкротству.

Не «работает» в качестве аргумента и следующий тезис автора: «... спрос более непосредственно выражает интересы общества при товарном производстве, чем расчеты, выполненные тем или иным плановым органом» (с.156).

Во-первых, даже «при товарном производстве» спрос может существенно отклоняться от действительных общественных потребностей вследствие действия различных факторов: манипулирования спросом со стороны субъектов монополистической деятельности и государства, отклонения денежной массы от товарной, цикличности процесса воспроизводства, наличия спроса на социально вредные продукты (алкоголь, наркотики, табак), изменения пропорций распределения национального дохода между классами и социальными слоями и т.д.

Во-вторых, чтобы успешно вести хозяйство «при товарном производстве» предпринимателю необходимо знать не только спрос, но и предложение на рынке, действия и намерения предприятий-конкурентов. У обособленного же товаропроизводителя могут быть лишь фрагментарные знания и о спросе, и о конкурентах. Поэтому его деятельность в значительной мере ведется на свой страх и риск.

В-третьих, при непосредственно общественном производстве вся информация о спросе и о предложении собирается в органах управления и планирования, которые имеют несопоставимо больше возможностей для точного прогнозирования спроса, его планомерного удовлетворения, поддержания сбалансированности спроса и предложения с помощью запасов и резервов, воздействия на сам спрос в интересах общества, обеспечения большей доступности социально значимых товаров (медикаменты, предметы детского ассортимента, важнейшие виды продовольствия и др.) и ограничения потребления социально вредных продуктов.

Не является препятствием непосредственно общественный характер производства и для инноваций. Более того, он создает все условия для поощрения, отбора и планомерного внедрения наиболее эффективных из них, что является не только теоретическим выводом, а убедительно подтверждается всей практикой развития социализма в СССР в период индустриализации и реконструкции народного хозяйства, в годы войны и послевоенного восстановления экономики.

В то же время практика социалистического строительства отчетливо показала, что на эффективность планирования наибольшее отрицательное влияние оказывают бюрократизация системы управления и ее направленность на цели, не отражающие интересы общества. Рост бюрократизма в системе управления, отказ от практики планомерного снижения издержек и цен, от повышения требований к качеству продукции; упор на «стоимостной вал» в конце 1950-х гг., а затем, в 1960-е гг. – создание условий для «более полного развития товарно-денежных отношений» и «действия закона стоимости», ориентация предприятий на увеличение прибыли, а не экономию общественного труда – означали все большую деформацию сущности социалистического планового управления, усиление «товарности», привели к снижению темпов общественного развития и в конечном счете послужили одним из факторов реставрации капитализма. Так что предложение Д.Б. Эпштейна уже было в свое время реализовано на практике и вполне показало свою «результативность». Это, кстати,

подтверждает и сам Д.Б. Эпштейн, отмечая, что «недостаточно быстрый рост эффективности и качества продукции в сравнении с развитыми капиталистическими странами были характерны для многих отраслей СССР, начиная с середины шестидесятых годов [выделено нами – Н.В.]» (с.160).

Практика, вопреки мнению Д.Б. Эпштейна, убедительно показала, что, хотя «элементы товарности» и сохраняются в непосредственно общественном производстве, но товарное производство антагонистически противоречит непосредственно общественному, а развитие товарно-денежных отношений приводит как раз ко все более систематическому принятию решений, идущих «вразрез с общественной оптимальностью» (с.160).

Ссылка на успешное развитие КНР как пример сочетания непосредственно общественного и товарного производства не корректна, поскольку нынешний Китай и СССР конца 1980-х гг. – общества, находящиеся на разных ступенях развития. В КНР еще не завершена индустриализация, огромная масса людей занята малопродуктивным трудом, идет переходный период, многоукладная экономика напоминает советский НЭП, впереди неизбежно обострение противоречий между социализмом и капитализмом как хозяйственными укладами. А в СССР уже были построены основы социализма.

Итоговый вывод Д.Б. Эпштейна: «необходимо не ограничивать и изживать, а освоить, научиться пользоваться, регулировать, контролировать и направлять товарность в интересах всех» (с.161). В этом предложении вторая часть («регулировать, контролировать, направлять») является отрицанием первой части («не ограничивать», не «изживать»). Ведь все большее регулирование, контролирование и направление «в интересах всех», по сути, и означает ограничение товарных отношений и их вытеснение планомерными отношениями.

Раздел монографии, написанный А.В. Колгановым, посвящен проблемам воспроизводства в России, которые, по мнению автора, изучены недостаточно и изучать которые необходимо с позиции «исследования характера сложившихся производственных отношений и его воздействия на развитие производительных сил общества» (с.247). Автор перечисляет ряд известных актуальных проблем общественного воспроизводства, иллюстрируя их данными статистики (с.247-252):

- паразитирование на природной ренте и старение основного капитала проедание природных ресурсов;
- низкий уровень инвестиций в основной капитал и высокая степень износа основных фондов в промышленности;
- подрыв отечественного производства промышленного оборудования, зависимость от импорта машин и оборудования;
- экстенсивное расширение потребления энергии вместо энергосбережения;
- деформация отраслевой структуры экономики;
- низкая рентабельность производства в сравнении с уровнем ставки рефинансирования Центрального банка;
- низкая протяженность и плохое качество автодорожной сети, отсутствие современного скоростного железнодорожного транспорта, плачевное состояние жилищно-коммунальной инфраструктуры;
- низкая доля заработной платы в ВВП и высокий уровень дифференциации доходов населения;
- относительно низкая продолжительность жизни, высокая смертность населения;
- низкий социальный престиж труда в сфере науки и образования и др.

Далее А.В. Колганов переходит к изложению своего видения причин, лежащих в основе перечисленных проблем. Главный тезис, который лежит в основе этого видения, состоит в том, что результатом рыночных преобразований экономики, по словам автора, «стал феномен, часто называемый в России «негативной конвергенцией»: соединение недостатков плановой и рыночной моделей стимулирования социально-экономического развития» (с.256-257), или «сохранение

негативных и элиминации позитивных черт советской модели стимулирования научного, технического и социального прогресса с одной стороны, и привнесения в эту модель неадекватных России институтов, претендующих на создание правил игры «свободного рынка», с другой» (с.253). Автор полагает, что в результате советская экономика попала в «ресурсную ловушку», из которой постсоветская экономика оказалась не в состоянии выйти (с.258).

Сравнительный анализ «плановой» (социалистической) и «рыночной» (капиталистической) систем не утратил своей актуальности, поскольку в будущем, на наш взгляд, России для своего подлинного возрождения предстоит еще вернуться на рельсы социализма. Поэтому остановимся подробнее на суждениях автора по поводу обозначенных А.В. Колгановым «негативной конвергенции» и «ресурсной ловушки».

По мнению автора, негативную роль в советской системе играла ее «институциональная среда», которая «после ряда очевидных успехов оказалась неспособной длительное время поддерживать и наращивать темпы технологического обновления, необходимые для обеспечения международной конкурентоспособности советской экономики» (с.253-254). К негативным чертам институциональной среды А.В. Колганов относит (с.254):

- высокую степень централизации управления и финансирования НИОКР, которая «привела, с одной стороны, к очевидной громоздкости и неповоротливости системы управления, а с другой – к ведомственному дроблению систем, управлявших НИОКР»;

- концентрацию решений и инвестиционных ресурсов «в высших эшелонах управления», которая «существенно сдерживала текущее технологическое обновление существующих производств»;

- «смещение оценок деятельности предприятий в сторону выполнения объемных плановых показателей», что «значительно ослабляло стимулы к технической модернизации действующих предприятий и освоению новых видов продукции»;

- «перекос в распределении ресурсов НИОКР и вообще высокотехнологичных ресурсов в сторону военного производства», что «ослабляло потенциал технического прогресса в гражданских отраслях, особенно в инвестиционном комплексе»;

- «ведомственное дробление науки на академическую, отраслевую, внутрипроизводственную ... и вузовскую ...», что «создавало административные барьеры на пути распространения и применения результатов НИОКР». «При этом, – отмечает автор, – как оценка НИОКР в каждом таком ведомственном сегменте, так и выделение финансовых ресурсов ориентировались на административные критерии, слабо связанные с распространением и применением нововведений или с их экономическим эффектом».

В качестве недостатков советской системы А.В. Колганов также отмечает (с.255, 260-263):

- «...внутренние источники технического прогресса в советской плановой модели были относительно слабыми, такая концентрация ослабляла приток качественных ресурсов во все остальные отрасли народного хозяйства»;

- «...В плановом порядке происходила концентрация качественных ресурсов в отраслях военной экономики и ряде тесно связанных с ними гражданских секторов (например, в авиационной и космической промышленности, в некоторых секторах радиоэлектроники, приборостроения, производства конструкционных материалов»);

- «... в плановой системе конкурентный механизм перелива капиталов не действовал и ... сформировалась многоуровневая (с точки зрения качества ресурсов) экономика. Этому соответствует одновременное наличие в нашем национальном хозяйстве нескольких технологических укладов при высоком удельном весе тех из них, которые формировались в начале и середине прошлого века»;

- «... крайняя слабость инвестиционного комплекса, его в целом низкий технологический уровень и способность к воспроизводству лишь при заниженных ценах на массовые ресурсы ... монополистическая структура топливных и сырьевых отраслей ... необходимость жесткого контроля

за ценовой политикой железнодорожного транспорта и энергетики (относящихся к отраслям естественных монополий)».

По мнению А.В. Колганова, «проблема недостатка качественных ресурсов в советской модели решалась двумя путями. Во-первых, через ... компенсацию недостатка качественных ресурсов вовлечением в производство большего количества относительно дешевых массовых ресурсов, что поддерживалось, в частности, заниженными ценами на рабочую силу, сырье и энергетические товары. Во-вторых, через экспорт топливно-сырьевых товаров и ввоз современного высокотехнологичного оборудования из-за рубежа» (с.261).

«Однако, – пишет автор, – компенсация за счет использования дешевых массовых ресурсов наталкивалась на определенные пределы ... К концу 70-х гг. XX в. обозначилось замедление естественного прироста контингента рабочей силы и исчерпание возможностей наращивания занятости в индустриальных секторах за счет перелива рабочей силы из села в город. ... происходит исчерпание относительно доступных источников естественных ресурсов и ухудшение горногеологических условий их добычи. Стратегия ввоза технологий из-за рубежа (обмен массовых ресурсов на качественные) сталкивается с растущими издержками добычи экспортных. ... В результате крайне ослабевают источники роста и развития этих отраслей и ... отраслей инвестиционного комплекса. Они все слабее и слабее справляются с задачей генерирования качественных ресурсов для народного хозяйства и даже для военного производства. ... еще более возрастает роль импорта в притоке таких ресурсов в народное хозяйство, что требует наращивания добычи экспортных ресурсов. Порочный круг замыкается. Таковы были ресурсно-воспроизводственные проблемы, которые российская экономика, переходя на рыночные рельсы, унаследовала от советского планового хозяйства» (с.261-262).

Общий вывод автора: «... нарастание трудностей в инновационной сфере было связано как с общими институциональными основами советской экономической системы (и их эволюцией), так и со специфическими проблемами в институциональной структуре самой национальной инновационной системы» (с.254-255).

На наш взгляд, не со всеми приведенными положениями автора можно было бы согласиться. Прежде всего обратим внимание на то, что в начале раздела он ставил задачу исследовать влияние «производственных отношений на развитие производительных сил общества», но далее ограничивает свой анализ только институтами. В этой связи возникает ряд вопросов. Как соотносит автор понятия «производственные отношения» и «институты»? Если это не одно и то же, то почему автор рассматривает не производственные отношения, а институты? Были ли описываемые автором институты неотъемлемыми атрибутами производственных отношений того периода?

Автор не рассматривает и вопрос о том, почему «институциональная среда» «после ряда очевидных успехов оказалась неспособной длительное время поддерживать и наращивать темпы технологического обновления». А этот вопрос важен, поскольку в истории СССР «институциональная среда», или, иначе говоря, организация государственного управления экономикой, не была неизменной. Она существенно менялась, и не только в довоенном периоде, но и в послевоенном, особенно с середины 1950-х гг. до конца 1980-х. И на разных этапах ее эффективность, с точки зрения обеспечения темпов социально-экономического развития, была существенно различной.

Поэтому трудно согласиться с автором в том, что «нарастание трудностей в инновационной сфере было связано ... с общими институциональными основами советской экономической системы», поскольку «общие институциональные основы советской экономической системы» – это, по-видимому, не что иное, как система производственных отношений, т.е. отношений собственности, а она позволяла в свое время успешно развивать инновации, превосходя во многих случаях достижения стран с «рыночной экономикой».

Что же касается «институциональной среды», то это понятие больше относится к правовым

отношениям, хотя, разумеется правовые отношения являются формой проявления экономических отношений, а потому тесно связаны с последними. Но, как и любая форма проявления, институты могут не только соответствовать производственным отношениям, но и вступать с ними в противоречие. На наш взгляд, с середины 1950-х гг., организация государственного управления экономикой («институты») начинают все больше противоречить системе производственных отношений социализма. Это выразилось в размывании принципа демократического централизма в управлении и нарастании элементов бюрократизма; отказе от планирования снижения издержек производства и цен, от планирования повышения качества продукции и производства продукции в натуральном выражении; повышении в системе показателей планирования и стимулирования валовых стоимостных показателей (выручка, прибыль, рентабельность); чрезмерной децентрализации капиталовложений (после реформы 1965-66 гг.), вызвавшей распыление капиталовложений, затягивание сроков сдачи объектов, замедление обновления технической базы предприятий и искусственный «дефицит» трудовых ресурсов, и т.д. Разумеется изменения в организации государственного управления экономикой не могли не повлиять и на систему производственных отношений – в ней стали усиливаться элементы товарности и частнособственнического присвоения, противоречащие непосредственно общественному характеру социалистического производства.

Перечисленные явления, на наш взгляд, и привели к снижению темпов роста и технического перевооружения советской экономики, накоплению в производстве устаревшего и изношенного оборудования. Тем не менее преимущества плановой системы по сравнению с рыночной сохранялись почти до конца 1980-х гг., несмотря на ее постепенный демонтаж, ускорившийся в период горбачевской «перестройки».

Об этом говорят, например, хотя бы данные о темпах роста национального дохода Советского Союза и ведущих стран капитала (табл. 3).

Таблица 3. Темпы роста национального дохода СССР и ведущих капиталистических государств в 1970-88 гг. (в разгах, 1970 г. = 1)

Страна	1980 к 1970	1988 к 1970
СССР	1,6	2,1
Япония	1,6	2,1
США	1,3	1,7
Франция	1,4	1,7
Италия	1,4	1,6
ФРГ	1,3	1,5
Великобритания	1,2	1,5

Статистика внешней торговли за тот же период полностью опровергает утверждения А.В. Колганова об обмене нашей страной «массовых ресурсов» (т.е. сырья и малообработанных материалов) на «качественные» (т.е. на машины, оборудование и транспортные средства), а также о будто бы имевшей место «слабости» советского инвестиционного комплекса (т.е. производства машин и оборудования). В таблицах 4 и 5 приведены данные об экспорте и импорте СССР важнейших видов машин и оборудования, а также сырья.

Таблица 4. Экспорт важнейших товаров из СССР, 1970-88 гг.

	1970	1980	1988	Рост в 1988 к 1970, раз
Металлорежущие станки, тыс. шт.	12,3	14,0	9,0	0,73

Кузнечнопрессовое оборудование, млн руб.	13,6	29,3	48,1	3,54
Энергетическое оборудование, млн руб.	217	885	1394	6,42
Электротехническое оборудование, млн руб.	29,9	130	234	7,83
Оборудование для пищевкусовой промышленности, млн руб.	52,2	120	84,4	1,62
Оборудование для текстильной промышленности, млн руб.	18,9	155	198	10,48
Оборудование для химической промышленности, млн руб.	53,2	89,5	142	2,67
Оборудование для лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, млн руб.	10,2	46,7	72,9	7,15
Тракторы, тыс. шт.	28,3	50,7	47,8	1,69
Сельскохозяйственные машины, млн руб.	59,5	221	398	6,69
Грузовые автомобили, тыс. шт.	33,5	41,9	36,3	1,08
Автобусы, шт.	1380	2560	2904	2,10
Легковые автомобили, тыс. шт.	84,8	329	341	4,02
Швейные машины бытовые, тыс. шт.	117	154	135	1,15
Холодильные шкафы бытовые, тыс. шт.	78,6	506	1341	17,06
Часы бытовые, включая механизмы, млн шт.	10,7	22,4	17,0	1,59
Фотоаппараты, тыс. шт.	621	1225	832	1,34
Телевизоры, тыс. шт.	123	690	1231	10,01
Каменный уголь и антрацит, млн т	24,5	25,3	39,4	1,61
Каменноугольный кокс, тыс. т	4157	3761	2315	0,56
Нефть сырая, млн т	66,8	119	144	2,16
Нефтепродукты, млн т	29,0	41,3	61,0	2,10
Горючий газ, млрд, м ³	3,3	54,2	88,0	26,67
Железная руда, млн т	36,1	38,1	32,2	0,89
Марганцевая руда, тыс. т	1243	1255	982	0,79
Круглый лес, млн м ³	15,3	13,9	20,5	1,34
Пиломатериалы, тыс. м ³	7980	7132	8231	1,03
Хлопок-волокно, тыс. т	517	843	731	1,41

Таблица 5. Импорт СССР важнейших товаров, 1970-88 гг.

	1970	1980	1988	Рост в 1988 к 1970, раз
Металлорежущие станки, тыс. шт.	9,2	13,0	11,8	1,28
Энергетическое оборудование, млн руб.	67,3	386	520	7,73

Электротехническое оборудование, млн руб.	122	559	1126	9,23
Металлургическое оборудование, млн руб.	135	423	735	5,44
Оборудование для пищевкусовой промышленности, млн руб.	124	455	778	6,27
Оборудование для текстильной промышленности, млн руб.	72,9	392	665	9,12
Оборудование для химической промышленности, млн руб.	218	1244	868	3,98
Тракторы, тыс. шт.	5,3	5,5	3,0	0,57
Сельскохозяйственные машины, млн руб.	140	772	1177	8,41
Пассажирские вагоны широкой колеи, шт.	781	743	960	1,23
Трамвайные вагоны, шт.	492	566	424	0,86
Грузовые автомобили, тыс. шт.	4,7	9,7	13,8	2,94
Автобусы, тыс. шт.	4,9	10,8	11,1	2,27
Каменный уголь и антрацит, млн т	7,1	6,7	11,9	1,68
Каменноугольный кокс, тыс. т	674	609	1808	2,68
Нефть сырая, млн т	3,5	3,5	19,8	5,66
Нефтепродукты, тыс. т	1054	1369	1912	1,81

Из приведенных данных можно сделать следующие выводы:

- СССР экспортировал не только сырье, но и машины, оборудование и транспортные средства, причем экспорт последних увеличивался в большинстве случаев быстрее, чем экспорт сырья (руд, пиломатериалов, нефти, угля, кокса), за исключением экспорта газа;

- импортировал Советский не только «качественные товары», но и сырье, причем импорт ряда видов сырья (нефти, кокса) возрастал быстрее их экспорта;

- экспорт ряда видов машин и оборудования (металлорежущие станки, энергетическое оборудование и др.), превышал их импорт.

Советский Союз и в последние десятилетия своего существования, – что, кстати, было недавно отмечено и В.В. Путиным, – обладал технологической независимостью. Об этом свидетельствуют, например, данные об экспорте и импорте важнейших видов орудий труда в табл. 6 и 7.

Таблица 6. Удельный вес импорта в потреблении отдельных видов орудий труда в СССР (в процентах от общего объема в натуральном выражении), 1970-88 гг.

Вид орудий труда	1970	1980	1985	1988
Металлорежущие станки	4,6	6,1	7,8	8,0
Кузнечнопрессовые машины, включая молоты	6,7	3,9	3,6	4,6

Таблица 7. Удельный вес экспорта в производстве отдельных видов продукции СССР (в процентах от общего объема производства в натуральном выражении), 1970-88 гг.

	1970	1980	1985	1988
Металлорежущие станки	7,2	7,8	5,3	7,1
Кузнечнопрессовые машины, включая молоты	4,6	3,6	2,9	4,2

Вплоть до 1988 г. экспорт важнейшего вида оборудования, применяемого в машиностроении, – металлорежущих станков превышал их импорт. Причем станки экспортировались в том числе и в наиболее развитые капиталистические страны, например, в ФРГ. К этому следует добавить успехи Советского Союза в космосе, ядерной энергетике, ракетостроении и ряде других высокотехнологических производств.

Необходимо учитывать, что СССР добился технологической независимости и поддерживал ее, несмотря на действие множества крайне неблагоприятных факторов, враждебного окружения. Плановая экономика создавалась и развивалась при начальном существенном технологическом отставании от развитых стран капитализма, вынуждена была восполнять огромные потери, понесенные в ходе гражданской и Великой Отечественной войн, в течении длительного периода находилась под воздействием санкций со стороны империалистических стран, в том числе, направленных на недопущение в нашу страну современных технологий (КОКОМ), была поставлена перед необходимостью нести огромные военные расходы ввиду угрозы агрессии со стороны США и их союзников.

А.В. Колганов в своем разделе говорит о якобы более высокой эффективности рыночного распределения инвестиций в сравнении с плановым. Однако вся совокупность данных о развитии экономики СССР не дает никаких оснований для подобных утверждений. То, что в 1980-е гг. темпы роста советской экономики снизились и наметилось усиление отставания в ряде важных производств, – прежде всего в развитии компьютерной техники, – было связано не с плановым характером экономики СССР, а с неспособностью тогдашнего руководства страны организовать планомерное техническое перевооружение значительной части предприятий, у которых материально-техническая база была сформирована еще в годы первых и послевоенных пятилеток и с тех пор не претерпела существенной модернизации, и на этой основе перейти от преимущественно экстенсивного к преимущественно интенсивному экономическому росту. А неспособность к решению этой задачи была обусловлена, на наш взгляд, именно взятым в середине 1960-х гг. курсом на децентрализацию капиталовложений, вызвавшим, как уже говорилось, их распыление по многочисленным объектам.

Какова подлинная «эффективность» рыночного распределения инвестиций, выяснилось в результате реставрации капитализма в России. Существенная часть научно-технического и производственного потенциала страны уничтожена, российская экономика закреплена в международном разделении труда как поставщик сырья и материалов, технологическая независимость утрачена. Россия оказалась по сути в состоянии «голландской болезни», свойственной именно рыночной экономике, и выход из которого возможен лишь на плановой основе.

В высокотехнологической продукции, которую экспортирует Россия преобладают вооружения (около 80%). Наша страна вышла на второе место в мире по экспорту оружия, что говорит о сохранении высокой эффективности отечественного ОПК. И здесь важно понимать, что предприятия ОПК работают в основном на основе госзаказов, т.е. не на рыночной, а по сути – на плановой основе, что является главным фактором сохранения его эффективности. Разумеется, организация работы ОПК претерпела изменения за годы «рыночных реформ», но она сохранила и ряд важных черт плановой организации, приобретенных за годы социализма, прежде всего – централизм в управлении и финансировании НИОКР, который А.В. Колганов относит к негативным чертам советской системы. Кстати, благодаря именно остаткам централизма в управлении и финансировании НИОКР в последние годы в России был успешно осуществлен целый ряд проектов в станкостроении и ряде других отраслей промышленности. А там, где был ликвидирован централизм, – за исключением сырьевого сектора и ряда предприятий – производителей материалов, как правило, идет дальнейшая деградация производства.

Централизм, таким образом, вовсе не является недостатком системы управления и финансирования НИОКР. Но тогда возникает вопрос, какие же «негативные» черты советской

системы институтов, по мнению А.В. Колганова, соединились с негативными чертами рыночной системы, ведь никаких других негативных черт советской системы он, по сути, и не отметил.

В качестве основных выводов своего анализа проблем воспроизводства автор предлагает:

а) «радикальную ломку большинства сложившихся в 90-е гг. прошлого века экономических институтов» (с.256);

б) «полное обновления активной части производственного аппарата», для чего «необходима целенаправленная структурно-инвестиционная политика, поскольку автономными усилиями предприятий эта проблема в обозримой перспективе решению не поддается» (с.267).

Однако А.В. Колганов не поясняет, что должно последовать после «радикальной ломки институтов» и каким образом нужно строить «целенаправленную структурно-инвестиционную политику», чтобы она принесла необходимые результаты. Непонятно, надо ли полностью отказаться от централизма и внедрить чисто рыночный механизм движения капитала, как это следует из предыдущего текста?

Большинство думающих людей уже давно поняли, что сложившиеся институты требуют серьезных перемен и что необходимо широкомасштабное техническое перевооружение экономики. Нет лишь полной ясности и единства мнений в том, чем заменить эти институты и как осуществить перевооружение. И автор, к сожалению, не добавляет ничего нового в понимание этих проблем.

Проблемам воспроизводства в России посвящен и раздел, написанный К.А. Хубиевым. Автор формулирует ряд важных и актуальных положений и выводов, имеющих несомненную высокую теоретическую и практическую значимость.

Сравнивая различные подходы к пониманию путей выхода российской экономики «на новую траекторию устойчивого развития», К.А. Хубиев выбирает «эволюционно- многоукладный подход», который «конкретизирует» и продолжает идеи новой индустриализации. Отличие этого подхода автор видит в необходимости определения общей направленности, исходных пунктов и этапов продвижения неоиндустриализации; порядка требуемых ресурсов и источников и возможностей ее осуществления; возможных форм организационных преобразований (с.287-289).

Анализируя ограничения, накладываемые на развитие экономики состоянием основных фондов, автор доказывает, что «в рамках данных ограничений доступен только эволюционный многоукладный процесс модернизации, в основе которой находится машиностроительный комплекс» (с.290).

Характеризуя «нынешнюю экономическую модель России», К.А. Хубиев делает обоснованный вывод о том, что она «показала свою исчерпанность». «Ее основным недостатком, – справедливо заключает автор, – явилось отсутствие потенциала инновационного развития и модернизации. Не оправдались надежды на то, что мотив частной собственности явится локомотивом технологического прогресса. Большие усилия, потраченные на интеллектуальное сопровождение идеи «модернизации снизу», связанной с указанной мотивацией, оказались бесплодными» (с.290).

Из анализа данных статистики автор делает обоснованные выводы о «существенной деформированности отраслевой структуры отечественной экономики и необходимости ее диверсификации», о негативной роли иностранных инвестиций в российскую торговлю. «Помимо «улавливания» доходов, – пишет он, – зарубежные мегаторговые сети вытесняют отечественных оптовых и розничных торговцев и продукцию отечественного производства. К экспортно-сырьевой деформации отечественного производства добавляется еще и зарубежно-торговая» (с.291-293).

Далее автор излагает ряд положений и выводов, конкретизирующих его видение процесса новой индустриализации. Заслуживает внимания и поддержки оценка авторов идеи «инвестиционной экспансии ...некоего аналога довоенной индустриализации» как «национальной экономической идеи» на ближайшую перспективу (с.306).

Реализацию этой идеи автор видит в «вертикальной интеграции и горизонтальной

межотраслевой диверсификация с целью создания устойчиво завершенных технологических циклов с наращиванием добавленной стоимости» (с.294).

«Представляется логичным, – заключает автор, – в анализе двигаться от сырьевого сектора к высокотехнологичным наукоемким благам, находящимся на вершине технологического цикла». Он выделяет ряд направлений вертикальной интеграции, это – нефтепереработка, производство продукции из металлов, руд, леса и др. (с.294-297)

В этой связи автор обращает внимание на такую негативную тенденцию, как перенос за рубеж накопленного в России капитала «для продолжения технологических цепочек по вертикальной интеграции и повышения добавленной стоимости из сырья, произведенного в России». Кроме того, как указывает автор, «зарубежные компании тоже устремлены в Россию для производства промежуточной продукции и конструкционных материалов уже внутри национальной экономики, рассекая единое технологическое пространство» (296).

Особое внимание К.А. Хубиев справедливо уделяет машиностроению. Он пишет: «Основой процесса диверсификации и роста добавленной стоимости являются новые технологии. Поэтому стержнем модернизации служит развитие машиностроения на инновационной основе. Машиностроение занимает место на вершине пирамиды воспроизводственных комплексов. Машиностроительный комплекс (МК) обладает наибольшим потенциалом диверсификации, как вертикальной, так и горизонтальной» (с.297).

Машиностроение, по мнению автора, занимает ведущие позиции в системе национальных экономик, но в настоящее время в России оно не выполняет роль, которую призвано играть: на рынке продукции машиностроения преобладает импортная техника, «сами российские компании-резиденты превращаются в логистические звенья для зарубежных фирм» (с.297).

Для существенного улучшения ситуации в машиностроительном комплексе, по мнению автора, имеются «благоприятные условия и преимущества», а именно:

- «возможность выстраивания преимущественного доступа к сырьевым ресурсам и превращение ресурсных преимуществ в конкурентные преимущества;
- емкость внутреннего рынка и доступность потребителей;
- ценовые преимущества» (с 298).

Для развития машиностроения, по мысли автора, «следует поддерживать и развивать» инновационно-лидирующий комплекс, сложившийся в ОПК, «с наращиванием доли гражданской продукции, технологий двойного назначения и увеличением доли продукции экспортного назначения». Этот комплекс, как справедливо считает автор, «может стать «локомотивом» для основного массива промышленности и экономики в целом в силу описанных выше особенностей» (с.299-300).

Что касается источников финансирования инвестиций, то К.А Хубиев полагает, что «в сложившихся условиях нет иного варианта, кроме сосредоточения на внутренних источниках... Дополнительные возможности для структурной перестройки предоставляются образованием ЕАЗС» (с.301-303).

Организационные формы перестройки промышленности, обеспечивающие необходимую интеграцию, по мнению автора, должны быть разнообразными. Он пишет: «Не может быть одной и той же формы для предприятий ВПК, МК, предприятий, производящих промежуточную продукцию, и др. В одних случаях возможна национализация или создание новых государственных предприятий или предприятий с частно-государственным участием; в других случаях возможны слияния или поглощения; в третьих случаях возможно образование холдингов или новых корпораций с определением долей вошедших в них компаний. Для компаний, созданных в результате приватизации, но не развивающихся в России и вывозящих активы за рубеж, следует устроить открытые инвестиционные конкурсы с целевыми условиями, направленными на решение

инновационных и интеграционно-диверсификационных задач» (с.303-304).

К.А. Хубиев формулирует и выводы, касающиеся изменений в экономической политике. Он обоснованно считает, что «... в экономической теории и экономической политике надо восстановить и развивать системно-воспроизводственный подход, который в единстве реальных и финансовых потоков придает фундаментальное значение реальному сектору. ... Системно-воспроизводственный подход позволит выявить эффективность технологических цепочек, включая межотраслевую диверсификацию. Он же поможет обнаружить слабые звенья и уязвимые участки единого экономического комплекса, а также новые точки роста. ... Монетарная и фискальная политика, используемая правительством, должна быть заменена воспроизводственной экономической политикой. Ее основная задача – реализация структурной перестройки, направленной на воспроизводственную самодостаточность и устойчивость с наращиванием производства добавленной стоимости» (с.304). «На основе системно-воспроизводственного подхода, – пишет автор, – следует разработать и реализовать стратегию превращения ресурсных преимуществ России в ее конкурентные преимущества» (с.305-306). На наш взгляд, с изложенными положениями и выводами автора трудно не согласиться, а их конкретизация и развитие позволили бы разработать стратегию экономической политики, направленную на подлинное развитие нашей страны.

В.М. Кульков основное внимание уделяет направлениям реактуализации политэкономии. Автор выделяет четыре таких направления.

1. «Политэкономический империализм» – наращивание пространства политэкономии как в рамках экономической теории, так и для анализа разных сфер жизни.

2. «Нишевый подход» – политэкономия ограничивает предмет исследования, «действуя в режиме конвенционализма» с другими частями экономической теории.

3. «Новая политическая экономия». Это «направление связано с так называемой новой политической экономией». Как справедливо отмечает автор, ««новая политэкономия» использует методологию в основном неоклассики – методологический индивидуализм, рационализм, частный интерес». По мысли автора, политэкономы на основе собственной методологии могли бы изучать групповые интересы, выходить на хозяйственную практику и на социально-политическую сферу, «что для России весьма актуально».

4. «Национально-ориентированный подход». Он «связан с потребностью теоретического отражения национального своеобразия экономики». Автор подробно останавливается на содержании этого подхода, выделяя его основные способы: «национальные иллюстрации (примеры) универсальных характеристик»; «национальные формы проявления общих экономических законов, их видоизменения»; «фиксация существенных отклонений от универсальных характеристик»; «наличие «национальных эксклюзивов», свойственных именно данной стране и в силу этого универсальными не являющихся»; «акцент на методологии холизма, противостоящего методологическому индивидуализму»; «учет особенностей национального экономического мышления, реализация национального стиля исследования, отечественных научно-образовательных традиций».

В.М. Кульков обосновывает необходимость «выделения теории национальной экономики в качестве относительно самостоятельной части экономической теории» и предлагает «детализированную структуру этого курса».

На наш взгляд, в целом с предложениями автора можно согласиться. Остается только реализовать эти направления в конкретных политэкономических исследованиях, что, разумеется, не так просто.

Д.Н. Климова, отмечая ключевую роль политической экономии в познании и прогнозировании экономических процессов (с.114), формулирует ряд «... направлений, ... которые позволяют заключить, что данная дисциплина скорее живое ищущее творчество, чем мертвая история». В их числе автор выделяет следующие:

- «...мировая экономика и решение ее глобальных проблем», обращая внимание на тот факт,

что «...сейчас заметно активное применение военно-силовых методов, усиливающих современную ситуацию неопределенности»;

- «... выработка новой стратегии социально-экономического развития, где в основе экономического роста – информационный фактор»;

- «... новые качества отношений ..., получившие возможность существовать с момента создания глобальной сети» (с.118-119).

Следует согласиться с тем, что указанные направления исключительно актуальны, и их разработка невозможна без политической экономии. Но за формулировкой проблем хотелось бы видеть какие-то новые результаты их исследования.

Д.Н. Климова, далее, полагает, что нужно двигаться «... к политэкономии, ... как интегральной идеальной конструкции, включающей широкий, но обобщающий спектр современных технологических, правовых, социально-экономических процессов, нравственно-этических и культурологических тенденций. ... Важно, чтобы эта наука была полезной, способствовала минимизации издержек и в производственном процессе и в человеческом поведении» (с.120).

Из приведенного текста не ясно, что понимает автор под предметом политэкономии, – все стороны общественных отношений, или экономический базис общества? Какому классу, слою политэкономия должна быть «полезной» и способствовать «минимизации издержек»? Ведь выгода для одного класса, слоя нередко оборачивается потерями для другого класса, слоя.

Авторы ряда разделов монографии главную проблему российского общества видят в значительном социально-экономическом неравенстве и формулируют рекомендации по его сокращению. Так, Ю.Г. Павленко полагает, что «социальное неравенство и механизмы, которые его воспроизводят», являются одним «из важнейших институциональных барьеров, препятствующих достижению устойчивого экономического роста как неперемного условия экономического успеха» (с.92-100). О.В. Козлова считает, что преодоление социального неравенства необходимо для перехода к новой, «гуманистической» экономике, которая является условием выживания человечества (с.126-134). М.И. Зобов, исходя из тезиса о том, что мораль «первична» по отношению к экономике, делает вывод о том, что преодоление социального неравенства необходимо для развития человеколюбия (с.102-107). Чем-то похожие взгляды излагает и Г.А. Маслов, считающий, что государству необходимо вмешиваться в отношения труда и капитала, чтобы зарплата была более справедливой, соответствовала теории А. Смита (с.351-356).

На наш взгляд, перечисленные авторы недостаточно внимания уделяют главной причине социального неравенства – частной собственности на средства производства. Пока ее господство в обществе сохраняется, социальное неравенство закономерно будет усиливаться. Это – объективный закон капиталистического общества.

Проблему социального неравенства анализирует и Е.В. Харитонова. Она справедливо полагает, что в современном обществе противоречия труда капитала сохраняется, хотя и стали «достаточно многосложны и неоднозначны и перешли снова в фазу обострения». «Их урегулирование и согласование, – пишет автор, – посредством института социального партнерства все менее и менее эффективно, так как государство в условиях диктата капитала практически не регулирует социально-трудовую сферу, занимаясь в лучшем случае активной социальной защитой населения».

В то же время автор считает, что «основной вопрос, от разрешения которого, на наш взгляд, зависит сама возможность дальнейшего социально-экономического развития всех стран, в том числе и так называемых постиндустриальных стран, – это вопрос оплаты труда, его адекватной оценки в современных условиях и места заработной платы в системе распределения доходов». Но кто будет давать «адекватную оценку» труду, если не государственные структуры, которые «практически не регулируют социально-трудовую сферу»?

В заключении Е.В. Харитонова делает вывод: «...без разрешения противоречий в отношениях

труда и капитала невозможно решить проблему неравенства и построить эффективную и сбалансированную систему хозяйствования».

Однако разрешение этих противоречий состоит не в установлении «адекватной заработной платы», как полагает автор, а в замене самого капиталистического способа производства на такой, при котором не будет самого капитала как экономического отношения.

Вопросам заработной платы уделяет внимание и А.Е. Куцерубов. По его мнению, производительность труда должна рассчитываться «в расчете на денежную сумму, выплачиваемую работнику. ... если каменщик в США, получая, например, 3000 долларов в месяц, кладет в месяц 20000 кирпичей, то каменщик в России, получая 500 долларов, для аналогичного показателя производительности должен класть где-то не более 3400 кирпичей ... если рассматривать производительность в сфере образования согласно вознаграждению за труд, то для того, чтобы производительность труда в этой сфере в России соответствовала производительности труда на Западе, нужно проводить около 4 учебных часов в месяц» (с.110-111).

Такая точка зрения строится на неявном положении о том, что в каждой стране единица выполненных работ должна оплачиваться одинаково. Однако производительность труда – это все же выпуск продукции в единицу рабочего времени. И это объективное обстоятельство неизбежно порождает различия между странами как в уровне жизни, так и в оплате труда.

Ряд авторов монографии (В.Г. Лоскутов, У.Г. Трибунская, Г.В. Козлова, А.А. Козлов) рассматривают понятие «державность» как свойственную России форму ее общественного устройства, обусловленную ее географическим положением, размерами, обеспеченностью природными ресурсами, необходимостью использования военной силы для защиты национальных интересов, традициями, религией, менталитетом народа и др. (с.346-348). «Державность», по мысли авторов, отличается то, что, – в отличие от имперской политики, – ей соответствует политика, сутью которой «было и остается сохранение и реализация национальных интересов, но не в ущерб интересам других государств» (с.325).

Вместе с тем в трактовке «державности» между авторами имеются и определенные различия. Так, В.Г. Лоскутов и У.Г. Трибунская считают, что «наиболее полно Россия как мировая держава состоялась в содружестве братских народов, когда в 20-х гг. XX в. был создан Союз Советских Социалистических Республик» (с.349). Причину разрушения СССР авторы считают результатом «предательства верхушки КПСС, мощной финансовой подпитки и идеологических диверсий Запада (прежде всего США)» (с.350). «Разрушение СССР, – пишут В.Г. Лоскутов и У.Г. Трибунская, – великая трагедия еще и потому, и это, на наш взгляд, главное, что Россия была вырвана из той присущей ей державной субстанции и обманным путем брошена в костер чуждой ей базарной стихии. И это явилось трагедией не только для России, но и для народов всех входящих в СССР республик. С этого момента страна вступила в длительную полосу разложения и деградации, которая продолжается вот уже 25 лет» (с.350). Наряду с разрушением производительных сил и социальной сферы общества, как отмечают авторы, было реставрировано и классовое противоречие между трудом и капиталом (с.351).

По мнению авторов, «система сложившихся отношений и доминирующих интересов во многом не соответствует сути державной государственности. ... следование курсом так называемых рыночных реформ ввергло страну в состояние перманентного системного кризиса» (с.352). Авторы считают, что для выхода из этого кризиса необходимы выбор «собственного пути, задействовании всего национального потенциала, опора на свои, российские материальные и интеллектуальные ресурсы, на свой российский менталитет, свои многовековые национальные традиции, свою культуру и нравственные ценности. Нужна ... стратегия возрождения России как мировой державы. Добиться этого можно посредством соответствующей политики, которая должна иметь державную направленность и содержание. Ее конкретные формы должны строиться на принципе гармонизации всей совокупности интересов, но на основе соблюдения приоритета общественного, национально-

государственного интереса. ... державная политика должна опираться на силу государства как ведущего субъекта экономики в его партнерских отношениях с частным бизнесом. Это может осуществляться по двум направлениям. Во-первых, за счет расширения государственного сектора экономики. Государство должно иметь в своей собственности блок отраслей как фундамент экономики, как фактор ее устойчивости и страховки от колебаний мировой конъюнктуры. ... Во-вторых, наличие мощного государственного сектора и необходимость обеспечения, его эффективного функционирования и регулирования отношений с частным сектором обуславливают необходимость создания специального координирующего органа типа прежнего Госплана. ... Достижение социальной справедливости в обществе – такая цель должна быть главной в деятельности правительства, президента страны, всех государственных структур» (с.353-354).

На наш взгляд, стремление авторов возродить Россию как мировую державу и способ, которым они предлагают этого добиться, безусловно заслуживают поддержки. Вместе с тем из позиции авторов не совсем понятно, чем отличается их видение способа такого возрождения от движения страны к социалистическому устройству общества, которое также предполагает национализацию «командных высот» экономики, обеспечение приоритета общественных интересов в экономике и политике, развитие плановых начал в экономике, осуществление принципов социалистической справедливости; – тем более, что в Советском Союзе авторы видят наиболее полное воплощение «державности» России. Однако для реализации этого движения главной предпосылкой является смена характера власти, переход ее от «олигархата» к рабочему классу в союзе с близкими ему слоями трудящихся. И вопрос о том, как обеспечить эту предпосылку, в первую очередь необходимо изучать для возрождения «державности» России.

В отличие от В.Г. Лоскутова и У.Г. Трибунской, Г.В. и А.А. Козловы «главные политические и социально-экономические черты, которые должны характеризовать государство-державу», видят в следующих признаках (с.328-329):

- «совмещение комплекса приемлемых в современном обществе традиционных российских ценностей с рядом базовых либеральных, демократических ценностей западного мира ... отказ от любого догматизма в области путей государственного и, прежде всего, экономического развития. ... Имеется в виду и традиционный христианский догматизм, и коммунистический, и ортодоксально-либеральный»;

- «... свобода; ... высокое качество жизни всего населения...; ...ликвидация неконкурентного рынка, основанного на административном ресурсе»;

- «... социальная справедливость (ликвидация слишком большого имущественного расслоения, система государственных социальных гарантий, легитимизация в общественном мнении имеющегося богатства, государственное декларирование принципов «равенства и братства»); ... реализация веры российского общества в могущество и «доброту» власти; ... ограниченный государством либерализм во всех явлениях общественно-экономической и политической жизни».

Как полагают авторы, «подобного сочетания можно достигнуть в рамках рыночной экономики западного типа». При этом нужно, – пишут авторы, – «... использовать и безболезненно сочетать все формы экономических отношений. Необходимо совмещение в экономике различных форм собственности и их рациональный и подвижный, в зависимости от ситуации, баланс. ... В этих условиях становятся возможными реализация конкурентных рыночных отношений и ликвидация современного административно-тоталитарного капитализма» (с.329).

Г.В. и А.А. Козловы считают, что «... для России важнейшей составляющей жизни социума является государственный контроль за экономическим расслоением в обществе, недопущение жестких форм эксплуатации человека человеком, т.е. сохранение представления о социальной справедливости» (с.329).

Как утверждают авторы, «подобный симбиоз форм правления и экономических систем не

утопия, поскольку существуют в мире модели социально-экономического развития, основанные на демократичном попеременном господстве двух партий, проводящих различную экономическую и социальную политику» (с.329).

На наш взгляд, трактовка «державности» Г.В. и А.А. Козловыми, по сути, сводит ее к так называемой «социально-ориентированной рыночной экономике», являющейся идеализацией системы отношений ряда наиболее развитых капиталистических государств. При этом авторы обходят стороной негативные тенденции и противоречия, присущие экономике и политике этих государств, которые активно обсуждаются в современной отечественной и зарубежной литературе. Будучи неявными сторонниками теории «социально-ориентированной рыночной экономики», авторы, по нашему мнению, вносят в нее разве что термин «державность».

В разделе монографии, написанном В.М. Юрьевым, изучаются предпосылки и факторы нынешнего экономического кризиса в России. Автор с использованием данных статистики обосновывает вывод о том, что российский кризис носит системный характер и имеет предпосылки и причины в сфере политики, организации управления экономикой, составе управленческих кадров, коррупции, характере экономической политики, а также и внешние предпосылки («глобализация», деятельность ТНК и «мирового правительства») (с.236-243).

Подводя итог, автор заключает: «... внутренние причины системного кризиса в России закрывают для страны возможность выхода на благоприятную траекторию социально-экономического развития, превращая отмеченные внешние экономические и политические тенденции в факторы дестабилизации национальной хозяйственно-политической системы. ... действующая система управления экономическими процессами слабо адаптирована к изменениям внешних политико-экономических условий ...» (с.245-246).

Из чтения текста создается впечатление, что корни системного кризиса в России автор видит не в реставрации капитализма, а в том, что не произошел «окончательный переход российской экономики к стадии зрелого капитализма», для которой свойственен «социально ориентированный характер» (с.234). Думается, В.М. Юрьев, как и только что рассмотренные авторы, недооценивает негативных тенденций и противоречий, свойственных современной экономике и политике стран «зрелого капитализма».

К числу представляющих несомненный интерес, на наш взгляд, следует отнести и следующие результаты, полученные авторами монографии:

- обоснование С.А. Ворониным необходимости государственного регулирования цен (с.185-194);
- выводы К.А. Борисовской, касающиеся обеспечения продовольственной безопасности России (с.361-368);
- выводы И.В. Грошева и А.А. Краснослободцева о необходимости изучения «рынка эмоций» (с.174-183);
- предложение О.В. Губарь об использовании интернет – игр для имитации и прогнозирования экономических процессов (с.195-202);
- выводы Д.В. Мельникова о необходимости изучения особенностей отношений собственности на региональном уровне (с.369-373) и др.

Авторы монографии единодушно высказались за повышение роли политической экономии в учебном процессе и научных исследованиях, что нашло свое отражение в принятой конференцией резолюции. При этом, – и это важно, – была подчеркнута необходимость плюрализма всех течений экономической теории, развития свободной дискуссии между ними, недопустимости диктата в экономической науке и дискриминации любого научного направления. Вместе с тем хотелось бы отметить, что в резолюции конференции, к сожалению, не нашли отражения предложения практического характера, касающиеся проводимой в стране социально-экономической политики,

хотя они, как уже говорилось, высказывались рядом авторов.

В заключении отметим, что выше мы рассмотрели далеко не все материалы монографии, а лишь представляющие, на наш взгляд, наибольший интерес. В целом в монографии поставлен достаточно широкий круг проблем, затрагивающих прошлое, настоящее и будущее экономической науки и российского общества; предложены оригинальные подходы к их решению как теоретического, так и практического характера. Монография несомненно будет полезна всем, кто желает ознакомиться с современной отечественной политэкономией и принять участие в ее развитии. В своих оценках позиций авторов мы не претендуем на истину в последней инстанции, а, напротив, приглашаем к дискуссии по обсуждаемым проблемам.